

В. М. Алтатов

У индийской смерти «имеются каста, пол, возраст, социальный статус, политическая ангажированность и вкусовые пристрастия»

Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение / Науч. ред. И. П. Глушкова. М.: Наталис, 2012.

Аннотация: в статье дан анализ фундаментального издания — книги «Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение» (М.: Наталис, 2012; 816 с.), включающей тексты разного содержания, объединенные одновременным присутствием в них двух тем: темы Махараштры, одного из крупнейших штатов Индии, и темы смерти. Обрисованы черты сходства и отличия индийской культуры от культур России и Запада, а также от культуры глобализации, заявляющие о себе в отношении к смерти и в связанных с нею ритуалах. Особое внимание обращено на три постоянно присутствующие в книге темы: касты (в том числе в современном государстве), положение женщин (Индия — страна с худшими условиями жизни для них) и терроризм (разные точки зрения на убийство М. Ганди — самый яркий пример существования в Индии точки зрения, альтернативной идеям ненасилия). Отмечено, что интерес к индийской культуре (и Индии вообще) переживал в нашей стране периоды подъема (начало XX в., годы моды на ориентализм, и 1950-е гг., когда активизировались советско-индийские отношения и получили известность индийские кино и литература) и спада (в том числе сейчас).

Ключевые слова: культурология, востоковедение, индология, индийская культура, Махараштра, язык маратхи, смерть, ритуал, культурные различия и сходства, культура глобализации.

Данная объемистая книга является результатом российско-индийского проекта, осуществленного российскими индологами, преимущественно из Института востоковедения Российской академии наук и Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (И. П. Глушкова, Е. Ю. Ванина, С. Сидорова, А. Бугров, А. Бочковская, Е. Литвинцева, А. Зыков), а также их индийскими коллегами. В нее включены и переводы текстов (художественных, публицистических, научных), написанных в разное время (от начала XX в. до начала XXI в.) индийскими авторами.

Название книги точно отражает ее содержание, однако ее жанр охарактеризовать трудно. Сама И. П. Глушкова, инициатор и руководитель проекта, пишет, что книга «создавалась без предварительного плана и не стала результатом “продуманной” концепции» (с. 41). В нее вошли тексты самого разного содержания, объединенные лишь одновременным присутствием в них двух тем: темы Махараштры, одного из крупнейших штатов Индии, и темы смерти. Эти темы вроде бы далеки друг от друга, а их сопряжение поначалу вызывает не очень желательные ассоциации. Вспомнилось вдруг название программы Омского народного хора начала 1960-х гг. «Можно ли верить

сибирскому слову?». Положительный ответ на вопрос был очевиден, но неясно было, что же такое «сибирское слово» и чем оно отличается, скажем, от поволжского. Также и чем отличается смерть в Махараштре от смерти в Гуджарате или Бихаре? Однако специфика штата где-то все же есть, начиная от того, что одно из религиозных меньшинств — парсы, имеющие, в частности, специфический похоронный обряд, сосредоточены именно там, и кончая тем, что штат занимает первое место в стране по числу самоубийств (с. 36). Но главное — то, что, не выходя за пределы одного крупного штата, можно рассмотреть более общую проблему: отношение к смерти в индийском обществе и индийской культуре.

Тут возникает вопрос: что мы знаем об Индии вообще и о Махараштре в частности? Безусловно, традиции отечественной индологии за почти два столетия ее развития очень богаты; исследований, часто высокого качества, много, а знающих специалистов у нас достаточно. К их числу относятся и российские авторы данной книги. И. П. Глушкова пишет о своей «вовлеченности в Махараштру» «на протяжении почти сорока лет» (с. 41). Но помимо профессионалов существуют и обычные люди, которым также могут быть интересны Индия и индийская культура. Автор данной рецензии, например, имеет отношение к востоковедению, но не

является индологом и никогда не был в Махараштре. Считаю, что книга и для непрофессионалов содержит немало нового и интересного и заставляет думать о многом. К сожалению, ее авторы нередко ориентируются лишь на детально знающих Индию читателей, не давая необходимых для большинства пояснений, о чем я еще буду говорить.

Интерес к индийской культуре (и Индии вообще) переживал в нашей стране периоды подъема и спада. Двумя периодами подъема были начало XX в., годы моды на ориентализм, и 1950-е гг., когда активизировались советско-индийские отношения (тогда у нас получили известность индийское кино и индийская литература). Затем интерес стал спадать, и лишь индийские кинофильмы имели успех в прокате до 1980-х гг. А потом Россия была повернута лицом к Западу, и довольно интенсивные до того культурные связи с Индией многими интеллигентами стали восприниматься как «совковые». Сейчас, когда в Индии в отличие от многих других азиатских стран редко происходят сенсационные события, о ней скупо сообщают в наших СМИ, а о ее современных литературе и искусстве не говорят практически ничего. Почти единственный, пожалуй, стереотип, который любят повторять, — то, что это «самая большая по числу населения демократия в мире». Освоение культур различных народов у нас сменилось интенсивным освоением более или менее единой культуры глобализации, создаваемой в США, но включающей в себя элементы разного происхождения. Однако вклад Индии в эту культуру невелик по сравнению, например, с Японией. А если какие-то черты индийской культуры туда не вписываются, то им даются низкие оценки. Например, одна из газет написала, что успех индийского кино в СССР был признаком «архаизма восприятия»¹.

Тем более у нас никто, кроме специалистов, не слышал ни о штате Махараштра, ни о преобладающем в нем языке маратхи (известном менее некоторых других индийских языков). Чуть больше знали про крупнейший город штата Бомбей, особенно потому, что он является столицей индийской киноиндустрии (я об этом узнал еще на уроке географии). Но многие ли знают, что теперь на картах нет такого названия? Бомбей стал Мумбаи. Так что данное издание ценно уже своей познавательной стороной. Особо хочется отметить включение в него ряда художественных произведений, переведенных с маратхи, в том числе четырех пьес. Эту литературу мы узнаем впервые.

Большинство авторов книги — либо жители штата Махараштра, либо россияне, не раз там бывавшие. Информации дается много. Как пишет И. П. Глушкова, у индийской смерти «имеются каста, пол, возраст, социальный статус, политическая ангажированность и вкусовые пристрастия» (с. 14). Все это отражено в книге. К сожалению, мозаика не всегда складывается воедино, в томе не хватает нужных пояснений. Если география штата кратко описана во введении (хотя карта на с. 12 слишком схематична и к тому же дана на английском языке), то его историю в большей части приходится по кускам восстанавливать из кратких упоминаний тех или иных событий по ходу дела. В книге описывается один исторический эпизод, относящийся к концу XIII в. (о более раннем времени не говорится), затем в трех очерках специально подробно рассказывается о событиях 1659–1674, 1707 и 1761 гг. Далее тематика книги после более чем векового провала начинает неравномерно охватывать период с конца XIX в. до современности. Разумеется, подробная история Махараштры выходит за рамки проблематики книги, но дать краткие сведения было бы нужно. Например, в книге отмечено, что штат Махараштра существует лишь с 1960 г., но о том, какой статус имели входящие сейчас в него территории при англичанах и в первые годы независимости, мы так и не узнаем. Недостаточны сведения и о языковой ситуации в Махараштре. Понятно, что там господствует язык маратхи и, как и везде в Индии, большую роль играет английский язык, но остается неясным, распространены ли там еще какие-либо языки. Все переводы сделаны либо с маратхи, либо с английского (один текст с урду, но он принадлежит автору, переехавшему в Пакистан), однако что это отражает: языковую ситуацию в штате или языковую компетенцию переводчиков?

Но все же книгу надо оценивать, исходя из того, что в ней есть. А есть в ней многое. Смерть присутствует в ней в самых разных ипостасях: бытовых, политических, ритуальных и других. Террористические акты и эпидемия чумы, катастрофические землетрясения и саможжение вдов, гибель паломников в давке и самоубийства фермеров, кровопролитные сражения и семейные криминальные драмы. Кроме самих смертей, описаны предшествующие и последующие ритуалы, приготовления к смерти и разные виды похорон. В одних текстах присутствуют «социальный статус, политическая ангажированность», другие представляют собой эссе и стихотворения философского характера, третьи — некрологи друзьям. Речь может идти не только о людях: в книге рассказывается и

¹ Независимая газета. 2012. 14 декабря.

об умершей от болезни собаке, и о ритуальном заклании козленка, и о попавшей под машину курице, есть даже эссе об «умерщвлении мух». Иногда это может вызвать неприятие у нашего читателя, например, когда почти рядом публикуются стихи разных авторов о погибшей курице и об умершем сыне. Но таков взгляд человека индийской культуры, где отсутствуют привычные для нас представления о пропасти между человеком и животным. Запоминается рассказ маратхского писателя Шанкара Кхарата, где описано, как родители больного ребенка ради его выздоровления принесли в жертву козленка, однако мальчик все равно умер. Рассказ заканчивается словами: «Ничего не помогло. Только две жизни ушли» (с. 396).

В разных частях книги показаны и другие различия в отношении к смерти между привычной для нас культурой и культурой Индии (не буду здесь обсуждать сложный вопрос об истоках наших современных представлений, возьму за основу их наиболее стандартный вариант). У нас, во-первых, любая смерть считается величайшим несчастьем, во-вторых, оценка ее разных видов зависит как от возраста умершего, так и от скорости происшедшего: если избежать смерти нельзя, то уж лучше умереть в преклонном возрасте во сне. Не то в Индии. И. П. Глушкова пишет: «Внезапная и безболезненная смерть пожилого человека, например, от инфаркта или от инсульта, в индуизме, буддизме и джайнизме счастливой не считается, поскольку к окончательному уходу следует готовиться сознательно.... Человек в стремлении к Абсолюту сам отпускает “жизненную силу”» (с. 39). Поэтому идеалом считается достаточно длительная подготовка к смерти, которая может с иной точки зрения выглядеть как осуждаемое христианством самоубийство, когда пожилой человек, например, сознательно отказывается от пищи. В книге приводятся примеры, как таким путем уходили из жизни видные политические и общественные деятели Махараштры. В то же время и «преждевременная, насильственная смерть воспринимается с особым ужасом» (с. 40), прежде всего потому, что она не подготовлена. И еще одна особенность. «Считается в высшей степени важным, чтобы больной был окружен детьми и ближайшими родственниками.... В некоторых частях Индии очень ценят фотографии сыновей умирающего, сгрудившихся вокруг смертного одра, и вывешивают их рядом с семейными свадебными фотографиями» (с. 173). Свадебные фотографии ценятся и у нас, но снимать умирающих не принято.

И место смерти и всего, что с ней связано, в индуистской культуре явно значительнее,

чем в культуре современной России или СССР. И. П. Глушкова пишет: «Смерть устранялась из нашей бытовой жизни: мои детские воспоминания 1960-х годов еще сохранили запах еловых веток на гробе..., но постепенно эта традиция сошла на нет. Физиология ухода переместилась в больницу, предпохоронное выжидание – в морг, проводы – на кладбище или в крематорий, поминки – из дома с затынутыми простынями зеркалами в рестораны. Старые погосты стали закрываться, новые – удаляться от мест обитания, и их реальное существование затенялось литературным» (с. 801). Все это очень точно, только И. П. Глушкова подчеркивает советское происхождение такого отношения к смерти², однако за последние 20 лет у нас здесь вряд ли что-то изменилось, да и в большинстве стран Западной Европы можно видеть то же самое. Гедонистическая направленность современной западной культуры, ее стремление жить сегодняшним днем, проникающие сейчас и к нам, еще в большей степени исключают размышления о смерти, чем советская система ценностей.

В Индии же и сейчас все иначе, о чем в книге много свидетельств. В массовом сознании постоянны идеи, выраженные, например, в пении похоронной процессии в одной из включенных в нее маратхских пьес (с. 565):

Рождаясь на свет,
Знайте — смерть неизбежна.
Не надо скорбеть
О жизни.
Плечо каждого —
Опора для трупа,
Который несут на костер
Возложить.

Мне вдруг вспомнились другие, давно читанные стихи:

В жизни мы — как будто на вокзале,
Пред отъездом в темный мир загробный³.

Это из пародии М. Горького на Ф. Сологуба, отличавшегося среди современников особым интересом к теме смерти. Безусловно, для большинства людей современной культуры такие идеи — скорее объект вышучивания и пародирования. При всех различиях ее разновидностей эта культура направлена на ценности жизни, будь то переустройство общества на справедливых началах или веселый вечер в ресторане, а не на размышления о смерти, от

² Отмечу у И. П. Глушковой и критику одной из советских работ по Индии за то, что она «изобилует многочисленными ошибками и цитатами из К. Маркса и Ф. Энгельса» (с. 243). Однако ошибки есть ошибки, а цитаты из классиков могут быть и по делу.

³ Горький М. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1961. С. 399.

которых чаще всего стараются отгородиться. Разумеется, есть и у нас, и на Западе люди, ожидающие скорого Страшного суда, но это все-таки не самое типичное явление.

И еще цитата, приведенная в самом начале рассматриваемой книги (она взята из «Словаря индийской культуры», изданного на маратхи): «Смерть — это украшение жизни, поскольку именно из нее и из-за нее в жизни сложились все законы и правила» (с. 13). Такой взгляд для нас непривычен. Публикуется и стихотворение маратхской поэтессы (с.114):

День жизни близится к закату. В душе родится новый свет.
И радости побег пробился. И страха смерти больше нет.
Почти безжизненные члены — источник сил моих иссяк.
И жизни точный смысл открылся... Итак, я счастья жду.

Итак.

Идея смерти как избавления от страданий в нашей культуре бывает, но радость смерти как таковой если и была в прошлом, то сейчас не характерна.

Постоянные мысли о смерти вовсе не означают всеобщей скорби, как раз наоборот. В книге постоянно подчеркивается, что в Индии нормой является «“празднество смерти”, часто в виде народных гуляний» (с. 15). «Смерть..., оказываясь в центре особого посмертного ритуала, может восприниматься как пышная, яркая или светлая либо, по крайней мере, воображаться таковой и иметь соответствующее воплощение в действии, слове или материальном объекте» (с. 16). Описание таких ритуалов не раз присутствует в книге. Опять-таки в нашей культуре такого, по крайней мере, в качестве идеала быть не должно. Разумеется, и у нас сейчас для кого-то похороны могут быть поводом вкусно поесть или встретиться с давно не виданными знакомыми, но это — не суть похорон, наоборот, проникновение в ритуал инородных явлений. И если у нас кладбища «удаляются от мест обитания», то «Махараштра обильно декорирована памятниками смерти» (с. 20): гробницами и некрополями.

До сих пор речь шла об индуизме и близких к нему в данном отношении буддизме и джайнизме. Однако Махараштра, как и многие другие штаты, многоконфессиональна. В книге исследуются не все представленные там конфессии (например, не говорится о христианах), но упомянуты мусульмане и немногочисленные (несколько десятков тысяч) парсы — индийские зороастрийцы, которым посвящена отдельная статья. Безусловно, и культурные, и культурные различия мусульманства и индуизма очень велики, однако И. П. Глушкова приходит к выводу о том, что с точки зрения отношения к смерти у них сходжений больше, чем расхождений: «Мусульманину также предостав-

ляется возможность считать смерть избавлением от уродства жизни, переселением в прекрасный мир и встречей с Богом» (с. 39–40). Отмечается сосуществование на территории штата индусских и мусульманских святынь и гробниц. А парсы, соблюдающие особый похоронный обряд — заключение умерших в «башни молчания», где их должны склевать грифы (эта религия запрещает контакт мертвого тела с землей и огнем), — в современных условиях, среди которых резкое сокращение числа грифов, все чаще вопреки всем традициям прибегают к кремации, подобно индусам. Так что, согласно мнению авторов книги, в данном аспекте имеются некоторые общие для жителей «самой большой по числу населения демократии» представления о смерти, по-видимому, для представителей разных религий более сходные между собой, чем с представлениями современных россиян или европейцев.

Но книга посвящена не только смерти как таковой. Я уже цитировал слова о «касте, поле, возрасте, социальном статусе, политической ангажированности и вкусовых пристрастиях» смерти, обо всем этом постоянно говорится в разных частях книги. Например, упоминавшееся первое место Махараштры по числу самоубийств во многом обусловлено социальными причинами: оно особо велико среди разоряющихся фермеров, чему посвящена одна из статей. Но сосредоточусь лишь на трех постоянно присутствующих в книге темах. Это касты, положение женщин и терроризм.

Читатель-неспециалист обычно что-то слышал о существовании в Индии каст, однако мы очень мало знаем и о кастах в современном государстве и об их прошлом. А Махараштра имела здесь, как показано в книге, историческую специфику. Представители высшей касты, брахманы, обычно занимались ритуалами и священными книгами и были далеки от политики и других мирских дел. Но именно они «в XVIII в. оказались на вершине власти, во главе мощной Маратхской конфедерации, чье влияние распространялось практически на всю территорию современной Индии. Так высоко, оттеснив от власти традиционную касту правителей-воинов, и так надолго — целый век! — брахманы не взлетали ни в одном индийском регионе» (с. 42). Не случайно из всей истории Махараштры в книге больше всего можно узнать именно об этом периоде. Память о тех событиях живет до сих пор, особенно в среде брахманов Махараштры. В публикуемой пьесе говорят, что тогда была «сладкая жизнь», которая после той эпохи закончилась (с. 574), причем эти слова принадлежат наиболее европеизированному из персонажей. В Индии, как и в Японии, существует ностальгия по временам,

предшествовавшим европеизации, когда жизнь была если и материально не лучше, чем сейчас, то справедливее.

Брахманы Махараштры играли большую роль в национальных движениях второй половины XIX – первой половины XX в., из их среды вышел и первый из их видных лидеров Б. Г. Тилак. Отзвуки былого положения маратхских брахманов обнаруживаются и в убийстве М. Ганди в 1948 г.: его убийца происходил как раз из них, и, как показано в книге, это сыграло роль в происшедшем. Они заметны в Махараштре и сейчас, особенно в среде образования, культуры, литературы и искусства. И. П. Глушкова в связи с этим даже признает «крен в сторону так называемой брахманской культуры» (с. 42). Постоянно возникают конфликты, отражаемые в том числе в художественной литературе. В пьесе Премананда Годзви «Брахман-трупосжигатель» (с. 564–620) герой уже в 17-м поколении занимается этим делом, неподобающим человеку высшей касты. Окружающие, сначала с этим мирившиеся, не выдержали, когда брат главного героя проявил непочтение к традиционной кастовой системе. Их гнев обрушивается не только на бунтаря, но и на его мирного брата, которого отстраняют от обязанностей, а условием прощения ставят убийство брата; трупосжигатель не выдерживает и умирает. Так что кастовая система живет и многое определяет.

Помимо брахманов в книге говорится и о другом полюсе: людях, традиционно находящихся в низших кастах или вне каст, так называемых неприкасаемых⁴, теперь именуемых в Индии *далитами* (о промежуточных кастах мы почти ничего не узнаем). Они продолжают бороться за свои права, у них тоже есть свои герои и святые. Описано массовое почитание гробницы *далита* Амбедкара, первого министра юстиции независимой Индии (перешедшего из индуизма в буддизм), находящейся в Мумбаи. Это одновременно и святыня неприкасаемых, и место, выполняющее «интегрирующую функцию» (с. 762).

О положении женщин в современной Индии часто судят, исходя из того, что они довольно заметны среди руководителей страны и политиков; этим Индия отличается от мусульманских стран и даже Японии. Однако не случайно международные агентства определяют Индию как страну с худшими условиями жизни для женщин⁵.

⁴ Я еще помню времена, когда этот эпитет применялся либо к индийцам, либо в переносном смысле к людям низшего положения, по каким-то причинам исключенным из общества. Но в последнее время слово *неприкасаемый* вдруг у нас приобрело прямо противоположное значение, вытеснив слово *неприкосновенный*, что уже неприложимо к Индии.

Евро-ньюс. 2013. 3 января.

И подтверждения этого мы находим во многих местах книги.

Неравноправие полов глубоко укоренено в индийских традициях независимо от конфессии. Не раз в книге по разным поводам указано: «Согласно традиционной индусской морали добродетельность жены подтверждается и тем, что она умирает раньше мужа» (с. 177). Такая женщина «уже никогда не станет вдовой, поэтому остается [при кремации] в украшениях» (с. 556). Даже про свою знакомую, образованную и, казалось бы, вполне европеизированную женщину, И. П. Глушкова пишет: «Анита отдала свою жизнь семье, мужу, была образцовой женой и матерью: даже то, что она ушла из жизни раньше своего мужа-драматурга..., в индуизме служит доказательством ее идеальности» (с. 44). В России или Европе, где по крайней мере в последние столетия продолжительность жизни женщин в среднем выше, никогда так не считалось. Судьба же женщины, пережившей мужа, всегда была печальной, ей обривали голову, и она становилась неприкасаемой в традиционном русском значении этого слова.

Крайнее проявление этого — широко известный ритуал самосожжения вдов. Оно не было строго обязательным, но одобрялось общественным мнением: «Один из священных маратхских текстов, “Диянешвари”, утверждал, что преданная жена не боится смерти, которая даст ей возможность взойти на погребальный костер ее “господина жизни”..., который был ее дыханием и божеством» (с. 297). С ритуалом боролись и мусульманские правители, и англичане, и власти независимой Индии, но он не исчез до сих пор. Последний случай самосожжения 18-летней вдовы произошел в штате Раджастан в 1987 г., «праздник... продолжался около двух недель при огромном стечении пришедших издалека людей» (с. 293–294). Редкость подобных случаев в наши дни скорее объясняется полицейскими мерами, тогда как даже в школьных учебниках некоторых штатов такая традиция оправдывается (с. 294). В данном ритуале одновременно отразились и индийское отношение к смерти, и представление о полном подчинении женщины ее «дыханию и божеству».

Но и в менее жестоких ситуациях неравноправие всегда проявляется. В упоминавшейся пьесе «Брахман-трупосжигатель» обсуждается, что, согласно ритуалу, при кремации женский труп, в отличие от мужского, поджигают с ног. Тогда один из персонажей говорит: «Вы мне только скажите: женский труп поджигают с ног, потому, что она рабыня, под пятой находится?» (с. 568).

Уже после выхода книги Индию охватили массовые выступления против неравноправия женщин, спровоцированные жестоким изнасилованием и убийством студентки. Но бороться за права женщин трудно, и даже не столько из-за позиции власти, которая скорее за равноправие, сколько из-за традиций и массовых представлений о роли «образцовой жены и матери».

Наконец, проблема терроризма и, шире, убийства политических противников. У нас Индия часто ассоциируется с всеобщим распространением идей ненасилия, которые пропагандировал М. Ганди, а его убийство рассматривается как что-то из ряда вон выходящее. Характерно, что хотя в 1940-х — начале 1950-х гг. у нас Ганди оценивали отрицательно, но его убийство не одобрялось, а организация, к которой принадлежал убийца, именовалась (например, во 2-м издании БСЭ) «полуфашистской». Кроме всего прочего, фашизм для Индии — принесенная извне идеология. Но в книге показано, что этот акт имел корни именно в индийской традиции.

М. Ганди достаточно хорошо у нас известен; его образ — один из немногих индийских образов, присутствующих в культуре глобализации. Но в книге в центре внимания находится не столько он (хотя значительная часть его жизни и деятельности связана с Махараштрой), сколько гораздо менее у нас известный его убийца Натхурам Годсе, брахман из Махараштры. «Мировоззрение Годсе в большой степени определялось его принадлежностью к определенному варно-кастовому слою» (с. 534). Этот слой традиционно занимал видное место среди борцов за независимость Индии, хотя постепенно его роль становилась меньше. Годсе начинал как сторонник Ганди и даже участвовал в кампаниях ненасилия, но затем в 1930 г. вступил в партию Хинду махасабха (именно ее у нас называли «полуфашистской»), где отвергали ненасилие и боролись одновременно за независимость и за интересы индусов против мусульман. Ганди для Годсе, кроме всего прочего, был человеком низшей по сравнению с брахманами касты, а его «покровительственное отношение к мусульманам» Годсе отвергал (с. 535). С 1946 г. он считал убийство Ганди своей миссией и «воспринимал свой поступок как добровольную жертву, которая будет по достоинству оценена будущими поколениями» (с. 539). Поэтому он после убийства сдался властям и спокойно пошел на казнь, подтвердив в речи на суде свои взгляды.

В книге подчеркивается, что между убитым и убийцей было немало общего: оба были мучениками идеи, аскетами и выступали за независимую, единую и неделимую Индию. В последней речи Годсе уважительно говорил о своей жертве. Но

«между ними существовали непреодолимые разногласия, решение которых Годсе видел только в физическом устранении Махатмы» (с. 537).

Годсе ошибся, надеясь на оценку будущих поколений: он «в сознании большинства индийцев надолго — наверное, навсегда — останется религиозным фанатиком и маньяком» (с. 532). Но большинство — не все индийцы, и для достаточно многих людей «он приобрел ореол мученика» (с. 540). «Количество книг, оправдывающих убийство Ганди, растет» (с. 542); его приверженцами создан сайт; в его честь была написана пьеса, запрещенная властями к постановке. События 65-летней давности не стали еще историей.

Убийство М. Ганди и разные точки зрения на него — лишь самый яркий пример существования в Индии точки зрения, альтернативной идеям ненасилия. Несколько раз в книге упомянуто убийство двух британских чиновников на территории Махараштры в 1897 г. Убийцы, которые были казнены, стали героями в общественном сознании, в 1979 г. о них был поставлен фильм, их подвиг до сих пор вспоминают в газетах. И позднее подобные террористические акты продолжались, причем их исполнителями были люди, укорененные в индийских традициях: «самый известный индийский террорист» (с. 31) В.Д. Саваркар, сумевший сохранить жизнь во время своей активной деятельности, в глубокой старости «принял смерть по собственному желанию» путем голодания (с. 40). Не прекращаются теракты и в наши дни: «столица Махараштры сотрясается от взрывов почти каждый год» (с. 33), взрывы устраивают и индусы, и мусульмане, гибнут сотни людей.

И физическое устранение политических противников, и почитание мстителей как героев, в отличие от многого из рассмотренного выше, знакомы и нам. Все это общемировое явление (скорее индийскую специфику здесь составляли идеи ненасилия). Национальной эпопеей черногорского народа считается поэма П. Негоша «Горный венец», где прославляются патриоты, ради спасения национального духа вырезавшие своих же соплеменников, перешедших в мусульманство. В 1909 г. корейский юноша в знак протеста против аннексии своей родины Японией убил видного японского политика Х. Ито, за что был казнен; сейчас два корейских государства расходятся чуть ли не во всем, кроме одного: этот патриот почитается и на Севере, и на Юге. При всей остроте расхождений между большевиками и эсерами в Москве почти всю советскую эпоху была улица имени эсера И. П. Каляева, принесшего себя в жертву, чтобы уничтожить ненавистного дядю царя. Сейчас улица переименована, но существует

дом культуры имени Зуева, рабочего находившегося рядом с ним трамвайного парка, который в 1906 г. убил директора парка, за что был повешен. Убийцы британских чиновников в Индии вполне входят в этот ряд. И у них был и почитаемый предшественник, правда, сохранивший жизнь после убийства: основатель маратхского государства в XVII в. Шиваджи, «первым подвигом» которого и «первым шагом на пути к маратхской государственности» считается убийство мусульманского военачальника в 1659 г. (с. 75). Его примером вдохновлялись в Махараштре многие, в том числе и Н. Годсе. Он тоже мог бы оказаться в том же ряду, если бы не громадный авторитет его жертвы. Так что, помимо силы воли и жертвенности, еще важно, ради чего убивают и кого убивают.

Почитание героев такого рода обычно для разных культур, кроме одной: современной культуры глобализации, которая всех их, независимо от целей, объявляет «террористами». Точнее, убийство политического противника может одобряться, как это произошло с Усамой бен Ладеном, но, во-первых, он сам должен быть зачислен в число террористов, во-вторых, монополию на такие убийства имеют не отдельные люди или партии, а правительства «демократических стран». А вот идеи М. Ганди данная культура активно использует, их влияние видно, например, в «бархатных

революциях» в Восточной Европе (где, впрочем, не везде смена общественного строя стала бескровной). Сейчас и у нас под влиянием культуры глобализации происходит переоценка ценностей. Еще Е. Евтушенко в раннем стихотворении любимыми им символами России называл Пушкина и Стеньку. Теперь наша «демократическая общественность» вряд ли поставит С. Разина в один ряд с «солнцем нашей поэзии»: он — «террорист». Но в большинстве стран мира, включая, судя по тому, что говорится в книге, и Индию, героев борьбы почитают и будут почитать.

Я не мог охватить в рецензии все аспекты книги. Подводя итог, можно отметить, что отсутствие предварительного плана иногда снижает ее достоинства: что-то кажется необязательным, чего-то явно не хватает. Но и то, что здесь представлено, значительно обогащает наши представления об Индии, которая предстает перед нами не только как «самая большая по числу населения демократия», но и как страна особой культуры. Что-то в ней нам близко, что-то трудно понять, что-то вызывает симпатии, что-то не хочется принимать, как, скажем, отношение к женщинам. Но нельзя все мерить мерами российской культуры или культуры глобализации, надо знать и учиться понимать друг друга. И в этот процесс книга «Смерть в Махараштре» вносит несомненный вклад.